

УДК: 165

DOI: 10.15372/PS20210302

И.Е. Прись**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МОРАЛЬ¹**

«(...) Всякий интерес в конце концов есть практический и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении»

Кант И. Критика практического разума [1, с. 189]

«Практика – критерий истины»

Эпистемические интернализм, когерентизм, релятивизм, скептицизм и фундаментализм имеют неприемлемые практические и политические потенциальные следствия. Поэтому их следует рассматривать как ложные эпистемологические теории. Эти теории основываются на ложных предпосылках философии модерна. Все они в том или ином виде что-то абсолютизируют, т.е. деконтекстуализируют. Экстерналистская эпистемология сначала-знания избавлена от этих недостатков. Контекстуальный реализм – метафизика эпистемологии сначала-знания.

Ключевые слова: интернализм; когерентизм; релятивизм; скептицизм; фундаментализм; морально нагруженные случаи; экстернализм; сначала-знание-эпистемология; контекстуальный реализм

I.E. Pris**EPISTEMOLOGY AND MORAL**

Epistemic internalism, coherentism, relativism, skepticism, coherentism, and fundamentalism have unacceptable practical and political potential consequences. Therefore, they should be treated as false epistemological theories. These theories are based on false premises of modern philosophy. They all absolutize, i.e. decontextualize, something in one form or another. The externalist knowledge-first epistemology is free of these shortcomings. Contextual realism is the metaphysics of knowledge-first epistemology.

Keywords: internalism; coherentism; relativism; skepticism; foundationalism; morally loaded cases; externalism; knowledge-first epistemology; contextual realism

¹ Статья подготовлена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г 20–026.
© Прись И.Е., 2021

Введение

Т. Уильямсон показал, что имеется тесная связь между эпистемическим и практическим (моральным, прагматическим и т.д.) обоснованиями, которая вытекает из тесной связи между убеждением/мнением (belief) и знанием, с одной стороны, и действием, с другой стороны. По его мнению, знание аналогично успешному интенциональному действию [16; 17; 18] (см. также [8]). В частности, подобно тому как невозможен анализ знания в виде «знание = убеждение + истина + X », невозможен анализ действия в виде «действие = интенция + успех + Y » [16; 18]. Кроме того, имеется тесная связь между знанием (и убеждением) и собственно действием. Знание – норма для практического рассуждения и действия: действуй, только исходя из того, что знаешь. Уильямсон утверждает: «Маргинализация знания в подходе к познаваемым вещам... так же порочна, как и маргинализация действия в подходе к практическим вещам» [18, р. 164]. Предположение, что успешно действуют, именно исходя из знания, лучше объясняет действия, чем предположение, что успешно действуют, исходя из истинного мнения. Согласно Уильямсону, «функция умного действия включает применение знания для реализации целей агента» [17, р. 269].

Что касается связи между знанием и убеждением, то знание можно рассматривать как совершенное убеждение, поскольку для Уильямсона знание – норма для убеждения: «Верь, что p тогда и только тогда, когда знаешь, что p ». При этом любое убеждение, даже ложное или необоснованное, в практическом плане играет ту же роль, что и знание. То есть если субъект S действительно верит (убежден), что p , он ведет себя, как если бы он знал, что p . Причем это верно как для эпистемического экстерналиста, так и для эпистемического интерналиста. Если, например, у субъекта S есть обоснованное убеждение, что он должен ϕ (где ϕ – действие), то его действие ϕ будет обоснованным. И наоборот: если действие является (практически, морально) обоснованным, соответствующее убеждение будет (эпистемически) обоснованным [20].

С точки зрения эпистемологии сначала-знания (далее – ЭСЗ) Уильямсона – радикально экстерналистской эпистемологической теории – знание есть норма для убеждения/мнения (belief); поэтому обоснованное убеждение, т.е. убеждение, удовлетворяющее своей норме, есть знание, оно не может быть ложным [16]. В этом случае связь между эпистемическим и практическим обоснованиями очевидна и не при-

водит к серьезным проблемам: если субъект обоснованно верит, т.е. знает, что он должен ϕ , то его действие ϕ будет обоснованным.

С точки зрения интерналиста, центральной нормативной характеристикой убеждения является обоснование, рассматриваемое как обоснование «внутреннее», т.е. доступное (интроспективному/рефлексивному) сознанию субъекта. Интерналистское обоснование убеждения, что p , включает в себя ментальные состояния субъекта, в том числе убеждения и видимости (*seemings*), логически связанные между собой и в идеале образующие непротиворечивую или даже самосогласованную (когерентную) систему, в которую p интегрировано. При этом обоснованное убеждение, что p может быть ложным.

Но следует различать две разновидности интернализма: ментализм и аксессибилизм (*accessibilism*). Первый утверждает, что наличие у субъектов одинаковых ментальных состояний делает их убеждения, что p одинаково обоснованными. Второй – что одинаково обоснованными их делает наличие одинаковых оснований, доступных интроспекции/рефлексии. Таким образом, убеждения, что p могут быть одинаково обоснованными для менталиста, но не для аксессибилиста. И наоборот.

При этом менталисты, будучи интерналистами, рассматривают ментальные состояния как нечто внутреннее, находящееся «в голове». Экстерналист тоже может рассматривать ментальное состояние как нечто внутреннее. Так поступает, например, релайабилист. Но для экстернализма Уильямсона ментальное состояние не является чисто внутренним. Например, знание для него – ментальное состояние, которое некоторым образом включает в себя соответствующий факт (знание супервентно в том числе и над соответствующим фактом). Для интерналиста знание – не ментальное состояние, а убеждение/мнение – ментальное состояние, содержание которого не зависит от того, истинно оно или ложно. Если убеждение/мнение истинно, его содержание, но не само убеждение/мнение, включает в себя соответствующий факт.

Говорят, что точка зрения интерналиста – точка зрения первого лица, тогда как точка зрения экстерналиста – точка зрения третьего лица. Последнее означает, что к экстерналистскому обоснованию могут относиться «внешние» факторы, недоступные сознанию субъекта, такие как, например, структура процесса формирования убеждения или отношения между убеждением и соответствующим фактом. Например, для релайабилизма истинное убеждение, полученное в результате надежного когнитивного процесса, который, как правило, дает истинное убеждение, является знанием. Субъект S может знать, что p , несмотря на то что он не

знает, что процесс формирования его убеждения, что *p*, является надежным. В связи с этим интерналисты обвиняют экстерналистов в эпистемической безответственности.

Ложные предпосылки интернализма

С точки зрения интерналиста, возможна ситуация, когда два субъекта придерживаются противоположных в равной степени обоснованных убеждений. При этом интерналист признает, что только одно из двух убеждений истинно. Например, у мозга-в-бочке, манипулируемого сумасшедшим нейроученым, и у нормального человека могут быть противоречащие друг другу в равной степени «внутренне» обоснованные убеждения относительно окружающей среды. В этом смысле между ними имеется симметрия: их убеждения имеют один и тот же нормативный статус, независимо от реального положения дел, хотя убеждения мозга-в-бочке будут ложными.

Эта симметрия – следствие ложных эпистемологических предположений. Можно также сказать, что это следствие известной абсолютизации, т.е. деконтекстуализации. Мозг-в-бочке и нормальный человек находятся в разных контекстах, которые во внимание не принимаются. Интерналист не только предполагает дихотомию внутреннего и внешнего (так же поступают и те экстерналисты, которые, по сути, не выходят из традиционной эпистемологической парадигмы, например релей-абилисты), но и предполагает, что к внутренним состояниям, и в частности убеждениям и видимостям, имеется привилегированный доступ (оба предположения, в сущности, картезианские). В результате интроспекции/рефлексии субъект получает доступ к абсолютизированным и абсолютно достоверным ментальным данным, и в частности к своим убеждениям и видимостям. При этом ментальные состояния играют роль представления внешней среды (это репрезентационализм). Неопределенность (известный скептицизм) относительно того, что находится за пределами представления, как бы компенсируется абсолютной достоверностью его самого, т.е. внутренних (ментальных) данных. Разделение на внутренний и внешний миры и абсолютизация внутреннего (субъективного) и означают деконтекстуализацию познания, его отрыв от конкретной реальности.

Это хорошо известные предпосылки эпистемологии модерна, которые альтернативная ЭСЗ Уильямсона фактически отвергает. Уильямсон считает, что на самом деле лишь экстерналистский подход позво-

ляет понять ментальность, сознание. Для экстернализма Уильямсона ментальные состояния суть способы связи с окружающей средой. Знание включает в себя осознание (awareness) окружающей среды, более полный контакт с ней, которого не хватает просто убеждению. Дело в том, что традиционная интерналистская эпистемология предполагала «чистоту» ментальных состояний. Поэтому убеждения, но не знание, рассматривались как ментальные состояния. На самом деле отсутствие чистоты у ментальных состояний, зависимость от внешней среды – не недостаток, а сама суть ментального. Чистой ментальности не существует. Как пишет Уильямсон, «суть сознания – в том, чтобы включить мир. Знание и действие вовсе не затемняют природу сознания, внося в него примеси из внешней среды, а напротив, они – наиболее полное выражение сознания... Фундаментальным для сознания является не пучок (bunch) монадических качественных свойств, составляющих внутренний мир, а сеть отношений между агентом и средой» [18, p.179]. Аналогичным образом для контекстуального реалиста Ж. Бенуа «the inside is outside» (внутреннее находится вовне) [5, p. 187].

У нас нет привилегированного доступа к нашим ментальным состояниям. Это принцип «несветимости» (anti-luminosity) ментальных состояний, один из принципов ЭСЗ Уильямсона [16]. В частности, мы можем не знать, что мы знаем, что p , и мы можем не знать, что мы не знаем, что p . Так, из Kp не следует KKp , а из $\neg Kp$ не следует $K\neg Kp$ (например, мозг-в-бочке не знает, что он ничего не знает об окружающей среде), где K – оператор знания, а $\neg$ – логическое «не».

2. Интернализм vs экстернализм и мораль

При анализе эпистемологических теорий важную роль играют так называемые «морально нагруженные» случаи – случаи, описываемые с привлечением моральных понятий, или случаи, в которых моральные вопросы имеют существенное значение [20]. Речь не идет о случаях, которые можно объяснить при помощи так называемого «морального вторжения» (moral encroachment), когда – по аналогии с «прагматическим вторжением» – эпистемические стандарты повышаются вследствие моральной значимости случаев (повышения «ставок») [3; 7; 10; 11]. Аргумент морального вторжения применяется, например, для критики так называемого расистского (или другого чувствительного в моральном плане) профилирования (profiling), основанного на статистике [10; 11]. Например, во Франции полиция чаще останавливает для проверки лиц

африканского и арабского происхождения, поскольку статистические данные свидетельствуют, что именно представители этих этнических групп чаще совершают правонарушения. Аргумент морального вторжения утверждает, однако, что расовое профилирование неправильно не только с моральной точки зрения (всегда требуется принимать во внимание, что конкретный представитель группы может не вписываться в статистический профиль), но и с эпистемической (благодаря эффекту морального вторжения вероятностное убеждение на самом деле оказывается более слабым, чем предсказывается статистикой – объективной вероятностью). В тех же случаях, в которых групповое профилирование не является морально чувствительным, оно может быть оправданным и в моральном, и в эпистемическом плане [10; 11]. Речь идет о практических следствиях абстрактных эпистемологических теорий, которые в морально нагруженных случаях становятся особенно заметными. В некоторых случаях эти следствия оказываются неприемлемыми. При этом попытки изолировать теорию от практики, т.е. избежать неприемлемых практических следствий теоретических положений («стратегия изоляционизма»), оказываются неуспешными. Если эпистемологическая теория имеет неприемлемые практические следствия, от такой теории следует отказаться. Это означает приоритет практики по отношению к теории, моральных вопросов – по отношению к эпистемологическим (см. также [4]).

Например, как показывает Уильямсон, если принять позицию интернализма, геноцид, совершаемый неонацистами, будет обоснованным действием, если убеждение неонацистов в том, что они должны совершить геноцид, (эпистемически) обосновано. Поскольку это следствие неприемлемо, интернализм ложен.

Вкратце логика такова. С точки зрения интерналиста, возможна ситуация, когда неонацист обоснованно верит (и даже уверен), что он должен уничтожить некоторую группу людей. (Для интерналиста П. Богосьяна, например, неонацист – «моральный мозг-в-бочке», т.е. он обоснованно верит в то, что ложно [6].) Можно показать, что между эпистемическим и практическим обоснованиями, как уже было сказано выше, имеется тесная связь – следствие тесной связи между природой убеждения и знания, с одной стороны, и природой действия, с другой стороны (мы склонны действовать, исходя из наших убеждений). Поэтому действия неонациста по уничтожению группы людей будут обоснованными или, во всяком случае, в какой-то мере извиняемыми (если к понятию обоснования действительно относиться серьезно, как это делает ин-

терналист), если он обоснованно убежден, что должен это делать. Следует отметить, что обоснование для интерналиста играет центральную, а не маргинальную, нормативную роль. Поэтому обоснованность действия означает нечто положительное. Как следствие, обоснованность действия неонациста может означать, что оно в какой-то мере извиняемо (хотя и не может быть оправдано). Это следствие неприемлемо.

Неприемлемые следствия эпистемологических теорий могут быть незаметны, если анализируются примеры, в моральном плане нейтральные.

Критику интернализма, основанную на анализе морально нагруженных примеров, предложила также (со ссылками на Уильямсона) Амиа Сринивасан (Amia Srinivasan) [14]. Если резюмировать суть ее анализа, то эта суть в следующем. По крайней мере некоторые морально нагруженные ситуации не могут быть объяснены при помощи понятия интерналистского обоснования, а могут быть объяснены при помощи понятия экстерналистского обоснования (в рассмотренных Сринивасан примерах два вида обоснования вступают друг с другом в противоречие).

В одном из примеров, анализируемых Сринивасан, женщина арабского происхождения по имени Нур обладает устойчивой восприимчивостью к расизму. Она приглашена на ужин в дом своего друга. Несмотря на то, что у Нур нет никаких определенных упреков в отношении поведения отца ее друга – хозяина дома, у нее формируется убеждение, что он расист. На самом деле это действительно так. С точки зрения экстерналиста, убеждение Нур является обоснованным и даже знанием. С точки зрения интерналиста, оно не обосновано. Поскольку знание о том, что хозяин расист, значимо, следует предпочесть экстерналистскую теорию и считать убеждение Нур обоснованным.

Согласно теории Р. Нозика, субъект S знает, что p , если и только если он чувствителен к истине, т.е. если бы p было ложным, он не верил бы, что p [12]. Считается, что более успешной является теория знания как истинного безопасного (safe) убеждения: субъект S знает, что p , тогда и только тогда, когда его истинное убеждение, что p безопасно, т.е. не могло бы с легкостью оказаться ложным (говорят, что в ближайших возможных мирах оно истинно) [13]. Обе теории знания экстерналистские. Восприимчивость Нур к расизму можно понимать либо в смысле теории Нозика, либо в смысле теории знания как истинного безопасного убеждения.

Модифицируем этот пример следующим образом. Предположим, что на самом деле Нур ошибается. Ей лишь кажется, что отец ее друга

расист. Это несколько не меняет сделанный вывод об ошибочности интернализма. В самом деле, с точки зрения экстерналиста, ее убеждение нельзя считать обоснованным, поскольку оно ложно. Если же Нур основывает свое убеждение на том факте, что ей кажется, что отец ее друга расист, то такое обоснование является интерналистским. И оно может привести к неприемлемым практическим следствиям. (Исходя из своего убеждения, Нур, например, впредь может отказаться посещать дом своего друга).

Предположим теперь, что друг Нур узнал о ее подозрениях, которые уже превратились в фанатичное убеждение, и пытается ее переубедить. Он приводит ей ряд аргументов (одним из таких аргументов может быть, например, искреннее согласие отца на их бракосочетание), которые Нур не воспринимает. Она продолжает верить, что отец ее друга расист, она «просто знает», что он расист. На самом деле аргументы ее друга доступны осознанному рациональному анализу, они интерналистские. Беда, однако, в том, что Нур изучает эпистемологию и убеждена, что интернализм – ложная эпистемологическая теория. Она отвергает все аргументы и считает, что ее убеждение обосновано экстерналистски. При этом Нур просто не отдает себе отчета в том, что ее основания, конечно же, являются интерналистскими. Она также не осознает, что некоторые эксплицитные «интерналистские» основания суть знание, т.е. являются в той же мере и экстерналистскими.

Для Уильямсона очевидность эквивалентна знанию: (в контексте) всякое знание и только знание есть очевидность [16]. Знание, т.е. очевидность, не всегда доступно рефлексии/интроспекции. (И наоборот, рефлексивно мы можем нечто ложно принимать за очевидность/знание.) Но во многих случаях очевидность/знание доступна рефлексии: мы знаем, что мы что-то знаем. Такого рода интерналистская очевидность будет одновременно и экстерналистской очевидностью. Например, так называемое общее знание является знанием одновременно и с интерналистской, и с экстерналистской точки зрения. На самом деле с обоснованным подозрением следует относиться лишь к интерналистскому обоснованию и интерналистской очевидности, которые не укоренены в реальности, а, так сказать, «висят в воздухе» и поддерживаются лишь благодаря инференционным связям с видимостями и другими убеждениями. В этих случаях подсознательное когнитивное искажение может превратиться в видимость, а затем в фанатичное убеждение, особенно когда оно «подкрепляется» инференционными связями с другими устоявшимися убеждениями. В этом случае про-

исходит, если употребить выражение Уильямсона, «отмывание» (laundering), легализация первоначальной ложной видимости [19].

3. Экстернализм знания и обоснования

Аргумент в пользу экстерналистской теории знания и обоснования в духе ЭСЗ Уильямсона предлагает Клэйтон Литлджон (Clayton Littlejohn) [9]. Сравним два аргумента.

Вкратце логика Литлджон такова: 1) знание – норма для убеждения; 2) обоснованность требует соответствия нормам; 3) из (1) и (2) следует, что обоснованное убеждение является обоснованным, потому что оно является знанием. Следовательно, обоснование фактивно. Положения (1)–(3), – это, по сути, положения ЭСЗ. Поскольку обоснованное убеждение не может быть ложным, Литлджон говорит об «инфаллибилизме». Уильямсон говорит о «фаллибилизме», поскольку мы можем ошибаться относительно обоснованности наших убеждений или относительно наличия у нас знания (см. уже упомянутый в разделе 1 принцип «несветимости» ментальных состояний): «Не существует безошибочного (infallible) рецепта для практического решения вопроса о том, знаем ли мы, что предложение *p* истинно» [16, p. 191].

Так же как Уильямсон и Сринивасан, Литлджон апеллирует к морально нагруженным случаям и тесной связи между убеждениями и действиями. Он основывает свои рассуждения на двух принципах: соответствия (conformity) и руководства (guidance). Первый гласит, что убеждение обосновано, если и только если оно не нарушает эпистемических норм. Это деонтологический подход: обоснование подчиняется норме, которая определяет, во что мы должны или не должны верить. Согласно второму принципу если вы трактуете «Я должен *φ*» как рациональное основание (reason) в вашем рассуждении, вы будете *φ*, т.е. обоснованное убеждение направляет (влечет за собой) и рационализировать действие. Литлджон просто постулирует принцип руководства, тогда как Уильямсон фактически его выводит.

Поскольку знание – норма для обоснования, постольку знание первично, а обоснование вторично в том смысле, что, например, знание у животных или маленьких детей не имеет предшествующего ему обоснования. В рамках ЭСЗ Уильямсона первично различие между знанием и незнанием. Поскольку всякое знание есть мнение (убеждение), нельзя сказать, что знание предшествует мнению. Можно, однако, сказать, что идентификация знания (думать, что кто-то знает) предше-

ствует идентификации мнения (думать, что кто-то просто верит). Последняя основывается на первой, предполагает ее. Аналогичным образом всякое знание есть обоснованное мнение. Поэтому знание не предшествует обоснованию. Но можно сказать, что идентификация знания (думать о знании) предшествует идентификации обоснования (думать об обосновании). ЭСЗ утверждает первичность концепта знания, а не предшествование знания мнению и/или обоснованию.

С точки зрения экстернализма нормы имеют внешние условия своей применимости. Поэтому требуется экстерналистская деонтологическая точка зрения и на обоснование. Так же как и в рамках ЭСЗ Уильямсона, для Литлджона обоснование не всегда доступно (интроспективному/рефлексивному) сознанию субъекта, во всяком случае полностью. Интерналистская теория знания и обоснования, в отличие от экстерналистской, приводит к трудностям, особенно при рассмотрении морально нагруженных случаев.

Литлджон рассматривает пример из статьи Сринивасан [14], в котором жертва домашнего насилия верит (с интерналистской точки зрения обоснованно, поскольку в согласии с другими своими убеждениями и, быть может, «общественным мнением»), что она заслуживает презрительного отношения и физического наказания. Согласно Сринивасан, ее убеждение нельзя считать обоснованным, что и объясняется экстерналистской теорией. Литлджон, как он считает, делает более сильное заключение: теория нефактивного обоснования, при условии, что вышеупомянутые принципы соответствия и руководства справедливы, имеет неприемлемые практические следствия. Ложное убеждение не может считаться обоснованным.

Между прочим, Литлджон критикует релейабиллизм – экстерналистскую теорию, относящуюся к традиционной эпистемологической парадигме, – на том основании, что он пытается различать убеждения, которые суть знание, и убеждения, которые не являются знанием, поскольку, например, они сформированы в ситуациях типа Гетье. Традиционная эпистемология, в том числе и экстерналистская, пытается дать определение знания, решить проблему Гетье (эпистемической удачи), которая состоит в том, что предлагаемые определения знания, как оказывается, имеют исключения. Например, имеет исключения классическое определение знания как истинного обоснованного убеждения: убеждение может быть истинным и обоснованным, но не быть знанием по той причине, что оно истинно благодаря удаче (случайности) [1]. Традиционная эпистемология ищет такое понятие обоснования, которое позволило бы ре-

шить проблему Гетье. С точки зрения ЭСЗ в случаях Гетье субъект лишь предполагает, что его убеждение является обоснованным. Проблема Гетье нерешаема, поскольку она основана на ложных предпосылках. Другими словами, заметим, релейабилист принимает концепты убеждения и обоснования как более фундаментальные, чем концепт знания, и конструирует знание, исходя из них и, возможно, других дополнительных условий. Он не является в достаточной степени экстерналистом и предполагает существование внешнего и внутреннего миров (факт относится к внешнему миру, а убеждение – к внутреннему).

Пытаться *реши́ть* проблему Гетье означает оставаться в рамках традиционной эпистемологии. Литлджон отказывается от этого пути. Он принимает в качестве исходного пункта своих рассуждений «идею, что некоторые нормы применяются к нам и определяют, каким образом мы должны реагировать (*respond*), даже если мы не уверены относительно того, применяются ли они к нам или нет в той ситуации, в которой мы находимся... или не уверены относительно того, выделяют ли нормы нормативно важные черты мира... Если мы хотим соответствовать этим нормам и хотим руководствоваться нашими убеждениями, мы должны позаботиться о том, чтобы наши убеждения не были ложными, что привело бы к нарушению этих норм. Единственные точки зрения, которые удовлетворяют этому требованию, – точки зрения, которые принимают инфаллибилизм (т.е. фактивность обоснования. – И.П.) [9]. Другими словами, даже в ситуации, когда нет полной определенности относительно того, что нужно делать, когда мы не уверены, применимы ли к нам те или иные нормы, указывают ли они на что-то важное в мире или нет, могут существовать нормы, в соответствии с которыми мы должны верить и действовать. Этот подход согласуется с контекстуальным реализмом, согласно которому контекст есть там и только там, где возникает концептуальность, нормативность. Сами нормы могут быть имплицитными и даже недоступными рефлексии.

Например, всякий человек, который не представляет опасности для других людей, имеет право на гарантии своей безопасности, и в частности безусловное право на жизнь, независимо от того, является ли чье-то убеждение (например, полицейского при исполнении служебных обязанностей), что он опасен, обоснованным или нет с точки зрения интерналистской, т.е. в нефактивном смысле. Если принять во внимание принцип руководства, это означает, что нефактивное обоснование на самом деле не может считаться обоснованием. Поскольку действия, ставящие под угрозу жизнь человека, который ни для кого не

представляет никакой опасности, не могут быть (практически, морально или как-то еще) обоснованными, не может быть эпистемически обоснованным ложное убеждение (убеждение, имеющее нефактивное обоснование), что он представляет опасность. Ложное убеждение может иметь оправдание. Но действие, основанное на таком убеждении, не может иметь ни обоснования, ни оправдания.

Литлджон приводит пример с монахом, аналогичный примеру с домашним насилием. Монах убежден, что он нарушает нормы сексуальной практики (которым он хочет, но не в состоянии следовать). На самом деле он нарушает лишь то, что принимает за нормы, – кажущиеся, а не реальные нормы. Поэтому согласно экстерналистскому подходу Литлджона убеждение монаха нельзя считать обоснованным, практические действия – аморальными. Если же, как отмечает Литлджон, принять интерналистскую теорию нефактивного обоснования, а также принцип, согласно которому наши действия направляются нашими убеждениями (принцип руководства), то возникает моральная коллизия: либо следует признать, что человек поступает аморально, даже тогда, когда очевидно, что это не так, либо следует занять скептическую позицию по отношению к ответственности, когда даже неправильные поступки не осуждаются [9]. Защищая интернализм, некоторые утверждают, что с точки зрения интерналиста, обоснованность убеждения означает, что субъект сделал все, что мог, наилучшим образом, чтобы не ошибиться. Но в этом случае мы имеем дело не с обоснованностью, а с извиняемостью (удовлетворяется более слабая норма) [19].

4. Скептицизм и релятивизм как обратная сторона абсолютизма

Итак, выше мы показали, что рассмотрение морально нагруженных случаев позволяет отвергнуть интернализм, и в частности когерентизм. В затруднительное положение при рассмотрении такого рода случаев попадают также релятивист и скептик. Последовательный релятивист должен признать, что вердикт не абсолютен (не объективен), а зависит от точки зрения. Скептик должен признать, что вердикт неизвестен или даже не обоснован. Релятивист, например, скажет, что с одной точки зрения Холокост имел место, тогда как с другой – нет. Скептик будет утверждать, что мы не знаем, что на самом деле произошло. Здесь мы имеем дело именно с неприемлемыми практическими следствиями, а не моральным вторжением, так как последнее не может, например, объяс-

нить понижение (а не повышение) стандартов для знания и/или обоснования в споре со скептиком (в споре с интерналистом эти стандарты действительно повышаются). Например, моральная значимость того факта, что именно Гитлер, а не Сталин развязал вторую мировую войну, велика. Поэтому стандарты для знания этого факта на самом деле оказываются более слабыми (хотя имеющаяся очевидность позволяет удовлетворить высоким стандартам), чем в аналогичных с эпистемической, но нейтральных с моральной точки зрения случаях (например, очевидность, что Земля круглая, а не плоская, не менее сильная, но стандарты для знания этого морально нейтрального факта более высокие). Холокост, изменение климата, табакокурение – другие морально нагруженные примеры.

ЭСЗ принимает концепт знания в качестве первичного неанализируемого концепта (в то же время она предлагает теорию знания²). Мы многое знаем. В частности, мы знаем, что Холокост имел место, что Земля круглая, а не плоская и вращается вокруг собственной оси и вокруг Солнца, а не наоборот. Это знание (не только морально нагруженное) имеет приоритет перед абстрактными теоретическими эпистемологическими рассуждениями, позволяет их тестировать³.

Уильямсон констатирует *структурное сходство* между релятивизмом, скептицизмом и интернализмом: все они являются *симметричными* позициями в том смысле, что все они приписывают одинаковый когнитивный статус оппонентам в эпистемологической дискуссии. Для релятивиста все точки зрения равноправны, а истина относительна, абсолютной истины не существует. Скептик допускает, что абсолютная истина может существовать, но она неизвестна, так как мозг-в-бочке и нормальный человек имеют одну и ту же очевидность. Интерналист признает, что истина существует и познаваема, но для него возможны ситуации, когда противоположные (истинное и ложное) утверждения имеют равные по силе обоснования [20].

На самом деле, заметим, это структурное сходство – следствие того, что каждая из упомянутых позиций допускает ту или иную абсолютизацию. В конечном итоге абсолютизм – следствие принимаемой неверной концепции реальности, игнорирования контекста, который является как эпистемологической, так и онтологической характеристикой реальности.

² Уже утверждение о неанализируемости концепта знания является теоретическим.

³ Наиболее общие предложения такого рода можно трактовать как петлевые предложения в смысле позднего Витгенштейна.

Подлинный реализм не может не быть контекстуальным, т.е. не может не обращать внимания на конкретные (реальные) условия употребления языка, познания, существования [2]. В самом деле, о релятивизме точек зрения имеет смысл говорить лишь в том случае, если эти точки зрения относятся к одному и тому же пропозициональному содержанию, которое таким образом деконтекстуализируется, абсолютизируется. Парадоксальным образом релятивист, в отличие от контекстуалиста, является также абсолютистом: он абсолютизирует содержание (недостаточно внимателен к его зависимости от контекста) и, как следствие, релятивизирует истину. Именно контекстуализм выбивает почву из-под ног релятивиста. Пропозициональное содержание, к которому апеллирует релятивист, не инвариантно, а зависит от контекста. Это и является причиной вариабельности истинностных значений, на которую обращает внимание релятивист. Само понятие контекста предполагает, что истина (при внимательном анализе контекста) «абсолютна», т.е. не относительна, объективна (собственно говоря, по самому своему определению истина объективна); варьируется не истина при фиксированном содержании, а содержание в зависимости от контекста.

Скептицизм апеллирует к очевидности. Скептик задается вопросом: есть ли очевидность, для того чтобы что-то утверждать, или же ее нет? достаточна ли она или нет? Скептик либо отрицает существование очевидности, либо утверждает, что она существует, но недостаточна. Таким образом, очевидность сама по себе под сомнение не ставится, а как раз наоборот, выводится за рамки критического анализа, абсолютизируется. Догматическая фиксация скептиком той или иной очевидности фактически означает согласие с тем, что существует абсолютная достоверность. Но такая «достоверность» – вовсе не достоверность. Сомнение и достоверность имеют условия своей осмысленности. Исходный абсолютизм приводит к своей противоположности – радикальному скептицизму. Абсолютизм и скептицизм – две стороны одной медали. Так же как и релятивизм, скептицизм содержит в себе потенциал своего собственного опровержения, оказывается внутренне противоречивым. Радикальное сомнение скептика в одной области опирается на предполагаемую радикальную достоверность в другой и как бы компенсируется ею. Скептик, по сути, нарушает правила употребления понятий, так как всякая абсолютизация – пренебрежение контекстом, догматическая фиксация правил языковой игры и, соответственно, их неверное или бессмысленное употребление за пределами области их применимости. Как следствие, в области, в которой эти правила неприменимы, возникает радикальное

сомнение, которое при ближайшем рассмотрении не имеет смысла, так как смысл теряет сама языковая игра, само употребление понятий.

Как отмечает Уильямсон, существуют виды скептицизма в зависимости от вида принимаемой очевидности: «Различные виды скептицизма отличаются друг от друга тем, что они ставят под сомнение некоторые вещи, тогда как другие вещи под сомнение не ставятся. ...В каждом случае скептик допускает существование некоторого очевидностного базиса, чтобы обвинить нас в том, что мы незаконно идем за его пределы» [17, р. 225]. Например, относительно существования внешнего мира скептик считает самоочевидными данные органов чувств, видимость, перцептивный опыт. В этом он схож с интерналистом. Как и интерналист, он предполагает, что мы имеем привилегированный доступ к нашим внутренним состояниям, но не к фактам внешнего мира. Скептик, например, может принимать за нечто достоверное видимость, отвергая, что мы знаем, что стоит за этой видимостью, соответствует ли эта видимость реальности. На самом деле понятие видимости вторично; видимость предполагает нечто, видимостью чего она является, т.е. реальность. Видимость может основываться только на реальности и имеет свои правила игры. Аналогичная проблема возникает в феноменологии, абсолютизирующей понятие видимости. Таким образом, абсолютизм — обратная сторона, «слепое пятно» и, по сути, причина как релятивизма, так и скептицизма.

На самом деле, для того чтобы сомнение вообще имело смысл, действительно необходимо, чтобы в чем-то не сомневались. На это указывает поздний Витгенштейн. У Витгенштейна, однако, речь идет не о догматической уверенности в существовании той или иной очевидности, а о существовании так называемых петлевых предложений (ПП). Это не картезианский эпистемологический фундаментализм. Достоверность ПП — прежде всего логическая в широком смысле. Мы интерпретировали ПП как витгенштейновские правила (в-правила)⁴. На первый взгляд, логический характер ПП противоречит ЭСЗ Уильямсона. Для Уильямсона то, что называют ПП, — выражение знания и, следовательно, очевидности (для Уильямсона знание равно очевидности). Это первое впечатление обманчиво, так как ПП как в-правила укоренены в контекстах своих употреблений, форме жизни и в конечном итоге в реальности как таковой. Они также могут менять свой статус и пре-

⁴ При этом само понятие в-правила требует объяснения с точки зрения философии позднего Витгенштейна.

вращаться в истинные или даже ложные эмпирические предложения. ЭСЗ Уильямсона, витгенштейновская эпистемология и контекстуальный реализм языковых игр и форм жизни выходят за рамки трансцендентальной парадигмы.

Что касается позиции интернализма, о которой мы уже говорили выше, то она предполагает абсолютную достоверность доступных интроспекции или рефлексии внутренних ментальных состояний или оснований, видимости (видимость рассматривается как автономное данное).

Вообще, любой абсолютизм приводит к своей противоположности, он есть обратная сторона своей противоположности. И релятивист, и скептик, и интерналист нарушают правила (логику) языковых игр. Такого рода перекосы устраняются в рамках витгенштейновского в широком смысле контекстуального реализма [2].

Но отметим, что в эпистемологии существуют различные виды контекстуализма, которые следует отличать от контекстуального реализма, который мы имеем в виду и который не является теорией. Некоторые эпистемологические аргументы в пользу контекстуализма апеллируют к связи между знанием и практическим рассуждением: «KPR: Приписывание предложению в первом лице настоящего времени “знаю” истинно в контексте, если и только если это предложение – подходящая предпосылка для практического рассуждения в этом контексте» [15, p. 227]. Например, «...“Я знаю, что моя дверь закрыта” истинно в моем контексте тогда и только тогда, когда то, что моя дверь закрыта, является *подходящей предпосылкой* для моего практического рассуждения» [Ibid.]. Результатом такого практического рассуждения может быть, например, то, что я выхожу из дома, не проверив, закрыта ли дверь. На самом деле, как утверждает Уильямсон, принцип «знание-практическое-рассуждение» (KPR) не обязательно возрождает контекстуализм. Можно принять модифицированный принцип KPR', который гласит: «Знают, что q , если и только если q – подходящая предпосылка для практического рассуждения» [15, p. 231]. Здесь нет эксплицитного апеллирования к контексту. Нам представляется, что модифицированный принцип не противоречит контекстуальному реализму.

5. Концепт важности. Критика (анти)фундаментализма

Морально нагруженные случаи позволяют выявить внутренние противоречия абсолютизированных эпистемологических позиций, игнорирующих контекст, потому что в этих случаях очевидно, что для нас

важно. Именно то, что в контексте для нас важно, позволяет поставить осмысленный эпистемологический или онтологический вопрос и дать ответ на него.

В своем интервью Ж. Бенуа говорит: «...В контекстуальном реализме... есть один очень значимый фундаментальный концепт. Это концепт, который мы также находим у Д.Л. Остина. Это концепт важности. ...Это не просто нечто заметное в плане того, к рассмотрению чего приступают, а нечто, что играет конкретную, определяющую, структурирующую роль в самом способе приступать к его рассмотрению – роль, которая является отличной в самих правилах игры и которую правила игры будут учитывать как то, вокруг чего они артикулируются» [2, с. 92]. Наша гипотеза состоит в том, что эту структурирующую роль играют витгенштейновские петлевые предложения.

Согласно Бенуа, концепт важности позволяет, например, понять и устранить проблему, с которой сталкивается эпистемологический фундаментализм – также абсолютистская позиция: «Если вопрос действительно имеет смысл, ответ может быть найден в контексте его постановки и проблема фундамента просто не возникает. Она возникает, если мы одновременно находимся на двух уровнях рассмотрения. С одной стороны, мы хотим обосновать ответ на вопрос, тогда как, с другой стороны, мы не уверены в самом вопросе, что приводит к поиску абсолютно достоверного фундамента для обоснования» [2, 82]. Невозможно одновременно искать правильный вопрос, т.е. сомневаться в важности поставленного вопроса (а в морально нагруженных случаях мы в этой важности не сомневаемся), и искать обоснование ответа на этот вопрос, т.е. сомневаться в обоснованности некоторого ответа. Но как раз это пытается делать эпистемологический фундаменталист. Его неудача приводит к противоположной (теоретической) крайности – антифундаментализму, утверждающему, что не существует никакого фундамента. Некоторые антифундаменталисты, которых можно также назвать минимальными фундаменталистами, неверно интерпретируя Витгенштейна, утверждают, что роль фундамента, данного, играют витгенштейновские формы жизни. На самом деле Витгенштейн предлагает «ортогональное» решение проблемы – терапевтическое, контекстуальное, делающее обе доктрины ненужными.

С этой точки зрения можно трактовать не только фундаментализм, но и скептицизм и релятивизм – как результат смешения двух указанных уровней рассмотрения. Говоря по-другому, все три позиции пренебрегают философской грамматикой (логикой) рассмотрения проблемы и, со-

ответственно, контекстуальностью ее употребления, которая становится особенно заметной в морально нагруженных случаях.

Заключение

Эпистемические интернализм, когерентизм, релятивизм, скептицизм и фундаментализм имеют неприемлемые практические следствия. Поэтому их следует рассматривать как ложные эпистемологические теории. Эти теории основываются на ложных предпосылках философии модерна. Все они в том или ином виде что-то абсолютизируют, т.е. деконтекстуализируют. Экстерналистская ЭСЗ избавлена от этих недостатков. Контекстуальный реализм – метафизика ЭСЗ.

Литература

1. Кант И. Критика практического разума / Пер с нем. Н. Соколова. – М.: АСТ, 2019. – 256 с.
2. Прись И.Е. Контекстуальный реализм: Интервью с Жосленом Бенуа // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 63–117.
3. Хорт М.Г. Контекстуализм: ставки и прагматическое вторжение // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2020. – № 4. – С. 161–168.
4. Baima N.R., Paytas T. Plato's Pragmatism: Rethinking the Relationship Between Ethics and Epistemology. – Routledge, 2021.
5. Benoist J. The world as a picture and as reality // New Realism in the World Picture Age / Ed. by A. Rojas. – Madrid: Apeiron Ediciones, 2020. – P. 171–187.
6. Boghossian P., Williamson T. Debating the A Priori. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
7. Fritz J. Pragmatic encroachment and moral encroachment // Pacific Philosophical Quarterly. – 2017. – No. 98 (51). – P. 643–661.
8. Hawthorne J., Stanley J. Knowledge and action // Journal of Philosophy. – 2008. – Vol. 105. – P. 571–590.
9. Littlejohn C. Externalism explained // Externalism about Knowledge / Ed. by L.R.G. Oliveira. – Oxford University Press. – Forthcoming.
10. Moss S. Moral encroachment // Proceedings of the Aristotelian Society. – 2018. – Vol. 118. – P. 177–205.
11. Moss S. Probabilistic Knowledge. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
12. Nozick R. Philosophical Explanations. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
13. Rabinowitz D. The safety condition for knowledge. – URL: <https://iep.utm.edu/safety-c/> (дата обращения: 01.05.2021).
14. Srinivasan A. Radical externalism // The Philosophical Review. – 2020. – No. 129 (3). – P. 395–431.
15. Williamson T. Contextualism, subject-sensitive invariantism and knowledge of knowledge // The Philosophical Quarterly. – 2005. – No. 219 (55). – P. 213–235.
16. Williamson T. Knowledge and Its Limits. – Oxford: Oxford University Press. 2000.

17. *Williamson T.* Philosophy of Philosophy. – Oxford, Oxford University Press, 2007.
18. *Williamson T.* Acting on knowledge // Knowledge-First / Ed. by J.A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 163–181.
19. *Williamson T.* Justifications, excuses, and skeptical scenarios // The New Evil Demon / Ed. by J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
20. *Williamson T.* Morally loaded cases in philosophy // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. – 2019. – Vol. 93. – P. 159–172.

References

1. *Kant, I.* (2019). Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. Transl. from German by N. Sokolov. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
2. *Pris, I.E.* (2021). Kontekstualnyy realizm: Intervyu s Zhoslenom Benua [Contextual realism: Interview with Jocelyn Benoist]. Sibirskiy filosofskiy zhurnal [Siberian Journal of Philosophy], Vol. 19, No. 1, 63–117.
3. *Khort, M.G.* (2020). Kontekstualizm: stavki i pragmaticheskoe vtorzhenie [Contextualism: stakes and pragmatic encroachment]. Vestnik VGU. Ser.: Filosofiya [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy], 4, 161–168.
4. *Baima, N.R. & T. Paytas.* (2021). Plato's pragmatism: Rethinking the relationship between ethics and epistemology. Routledge.
5. *Benoist, J.* (2020). The world as a picture and as reality. In: Rojas, A. (Ed.). New Realism in the World Picture Age. Madrid, Apeiron Ediciones, 171–187.
6. *Boghossian, P. & T. Williamson.* (2019). Debating the A Priori. Oxford, Oxford University Press.
7. *Fritz, J.* (2017). Pragmatic encroachment and moral encroachment. Pacific Philosophical Quarterly, 98 (51), 643–661.
8. *Hawthorne, J. & J. Stanley.* (2008). Knowledge and action. Journal of Philosophy, 105, 571–590.
9. *Littlejohn, C.* Externalism explained. In: Oliveira, L.R.G. (Ed.). Externalism about Knowledge. Oxford University Press (forthcoming).
10. *Moss, S.* (2018). Moral encroachment. Proceedings of the Aristotelian Society, 118, 177–205.
11. *Moss, S.* (2018). Probabilistic Knowledge. Oxford, Oxford University Press.
12. *Nozick, R.* (1981). Philosophical Explanations. Cambridge, MA, Harvard University Press.
13. *Rabinowitz, D.* The Safety Condition for Knowledge. Available at: <https://iep.utm.edu/safety-c/> (date of access: 01.05.2021).
14. *Srinivasan, A.* (2020). Radical externalism. The Philosophical Review, 129 (3), 395–431.
15. *Williamson, T.* (2005). Contextualism, subject-sensitive invariantism and knowledge of knowledge. The Philosophical Quarterly, 55 (219), 213–235.
16. *Williamson, T.* (2000). Knowledge and Its Limits. Oxford, Oxford University Press.
17. *Williamson, T.* (2007). Philosophy of Philosophy. Oxford, Oxford University Press.
18. *Williamson, T.* (2017). Acting on knowledge. In: Carter, J.A., E. Gordon & B. Jarvis (Eds.). Knowledge-first. Oxford, Oxford University Press, 163–181.
19. *Williamson, T.* (2019). Justifications, excuses, and skeptical scenarios. In: Dutant, J. & F. Dorsch (Eds.). The New Evil Demon. Oxford, Oxford University Press.
20. *Williamson, T.* (2019). Morally loaded cases in philosophy. Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 93, 159–172.

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – доктор философии (PhD), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)
frigpr@gmail.com

Information about the author

Pris, Igor Evgenievich – PhD in Philosophy, PhD in Physico-mathematical sciences, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
frigpr@gmail.com

Дата поступления 08.07.2021